

Глава 10. Он давно привык к тому, что Фу Сяо его бросает

В Дичэне становилось всё холоднее. С самого утра за окном закружила мелкая пороша, и стёкла заволокло плотной белёсой дымкой.

Проснувшись, Ду Нянь уставился в серое, глухое небо. Решив, что на дворе ещё глубокие сумерки, он лениво глянул на часы и с удивлением обнаружил, что утро давно прошло и близится полдень.

После того нападения Фу Сяо запретил ему делать даже шаг за порог. Запертый в четырёх стенах, Ду Нянь изнывал от безделья и в конце концов стал проводить большую часть дня, уютно зарывшись в одеяло.

Поскольку спешить было совершенно некуда, он впервые за долгое время позволил себе не вскакивать на рассвете, а проспал почти до самого обеда.

Повалявшись ещё немного, Ду Нянь нехотя выбрался из постели. Он умылся, бесцельно постоял у запотевшего окна, сделал пару кругов по комнате и снова скользнул под тёплое одеяло.

Через несколько дней, по возвращении, ему предстояло принять дела в баре. Бумажная волокита, куча формальностей — хлопот наверняка наберётся на месяц вперёд. Так что нынешнее безделье можно было смело считать заслуженным отдыхом. С этой успокоительной мыслью Ду Нянь укрылся с головой и зажмурился, надеясь снова провалиться в сон.

Но стоило ему закрыть глаза, как снаружи щёлкнул замок — кто-то вошёл. Ду Нянь лишь поглубже зарылся в подушку, даже не подумав повернуться.

Знакомые шаги приближались. Едва переступив порог спальни, вошедший заметно притишил ход. Звук затих у самого изголовья.

Ду Нянь лежал неподвижно, ровно и глубоко дыша, густые ресницы едва заметно вздрагивали в такт вдохам. На самом деле он не собирался притворяться спящим, просто ему чертовски не хотелось подниматься и ублажать Фу Сяо. Уж лучше было прикинуться соней и выгадать ещё немного покоя.

Фу Сяо почему-то медлил. Он молча стоял у постели, не издавая ни звука. Лишь спустя пару минут раздался тихий шорох одежды, и матрас прогнулся под чужим весом. Мужчина лёг рядом.

Насколько помнил Ду Нянь, Фу Сяо никогда не ложился спать днём. Видимо, все дела в городе D были улажены, и теперь он просто выкраивал часы для отдыха. Значит, завтра они наконец-то уедут из города D.

Опустившись на постель, Фу Сяо привычным властным жестом притянул его к себе и бесцеремонно перевернул лицом к себе. Ду Нянь не сопротивлялся — послушно обмяк в его руках, позволяя делать с собой всё, что вздумается.

От одежды мужчины ещё веяло уличной прохладой и свежим снегом. Этот морозный аромат, смешиваясь с его собственным запахом, рождал тонкое, едва уловимое ощущение заснеженного кедра. Вскоре тепло чужого тела заполнило всё пространство под одеялом, согревая и убаюкивая Ду Няня.

Фу Сяо нащупал его руку под одеялом, крепко переплёл их пальцы и насильно устроил его ладонь у себя на талии. Только надёжно зафиксировав свою добычу в объятиях, он закрыл глаза и облегчённо вздохнул, погружаясь в сон.

Почувствовав, что дыхание любовника стало мерным и глубоким, Ду Нянь приоткрыл глаза и посмотрел снизу вверх.

Природа наградила Фу Сяо безупречной, породистой внешностью: чётко очерченные надбровные дуги, безукоризненно прямой нос и тонкие, резко очерченные губы. Даже во сне его лицо сохраняло суровое, почти хищное выражение.

Когда-то Ду Нянь мог часами разглядывать эти черты, мысленно очерчивая кончиками пальцев каждую линию. Но теперь, сколько бы он ни всматривался, бывшее трепетное чувство ускользало, оставляя лишь звенящую пустоту. Поглядев на спящего ещё немного, он тихо вздохнул, зарылся носом в складки одеяла и незаметно для себя тоже уснул.

Когда Ду Нянь открыл глаза во второй раз, постель рядом уже остыла. Фу Сяо вернулся лишь ближе к вечеру. Вид у него был темнее тучи, и от этой угрюмой сосредоточенности у Ду Няня внутри неприятно засосало под ложечкой — верный признак надвигающейся грозы.

Примостившись на мягкой кушетке у окна, Ду Нянь молча наблюдал за тем, как мужчина расхаживает по комнате. В глубине потемневших глаз полыхнула ярость — холодная, необузданная сила, которую Ду Нянь не видел уже очень давно. Стоило их взглядам пересечься, как интуиция подсказала: дело касается его лично. Однако Фу Сяо не проронил ни слова. Он молча переоделся в свежий костюм, швырнул Ду Няню его пальто и бросил короткое:

— Идём ужинать.

Ду Нянь не стал расспрашивать. Во время деловых поездок всегда заводился один и тот же порядок: в заключительный день они ужинали с партнёрами по бизнесу. Раньше Ду Нянь глупо радовался этим совместным выходам, видя в них жест особого доверия. Теперь же он прекрасно понимал — его брали исключительно как красивую ширму, статусную вещь, которой не стыдно похвастаться перед нужными людьми.

Как и на том злополучном банкете: не окажись под рукой его, Фу Сяо без труда нашёл бы замену из десятка других желающих.

Накидывая пальто, Ду Нянь покорно зашагал следом. К их приезду в ресторане уже всё было готово — принимающая сторона ждала в полном составе.

Едва тяжёлая дверь отдельного кабинета отворилась, как все присутствующие разом уставились на вошедшего вслед за боссом юношу. Слухи о таинственном фаворите, которого всемогущий Фу Сяо держал при себе без малого три года, будоражили умы многих, и теперь, получив возможность воочию оценить его избранника, гости не могли оторвать от него глаз.

Ду Нянь был безупречно хорош собой, но в его облике не проглядывало и капли той приторной, заискивающей слащавости, которую обычно ждали от содержанцев. Тонкие, холодные черты лица, бледные губы и резкая, словно выточенная из куска льда линия подбородка создавали образ неприступный и гордый. Красота Ду Няня никого не пыталась очаровать — она просто существовала сама по себе, острая и равнодушная.

Возглавлявшие приём господин Чжан и господин У торопливо поднялись навстречу, обменялись приветствиями и велели подать меню. Принимаясь за заказ, господин У вежливо поинтересовался вкусовыми предпочтениями гостей.

Ду Нянь едва заметно кивнул и ровным тоном произнёс:

— Господин Фу не выносит острого.

У-цзун на мгновение замешкался. О пристрастиях и капризах самого Фу Сяо их команда разузнала ещё до начала переговоров, так что вопрос предназначался в первую очередь его спутнику. Однако Ду Нянь явно не собирался распространяться о себе. Собеседнику не оставалось ничего другого, кроме как вежливо улыбнуться и продолжить диктовать заказ официанту.

Поскольку контракт уже был подписан, застолье проходило в непринуждённой обстановке. Как только первые блюда были поданы, беседа потекла легко и свободно. Вскоре на столе появились дорогие вина. Ду Нянь отложил палочки и, перехватив инициативу, стал принимать тосты вместо своего молчаливого спутника.

Бокалы пустели один за другим. К удивлению хозяев вечера, этот холодный на вид юноша оказался на редкость приятным собеседником. Он держался с достоинством, легко поддерживал любую тему и умел разрядить обстановку мягким замечанием.

С одной стороны, теперь всем стало ясно, почему капризный Фу Сяо столько лет не отпускал его от себя. Но с другой — в умах присутствующих зрел немой вопрос: как столь незаурядный человек соглашается на роль безликой тени, бесправной игрушки без имени и статуса? Даже с учётом того, что его покровителем был сам глава корпорации Фу, это казалось непостижимым.

Чжан-цзун, как и остальные, весь вечер украдкой наблюдал за Ду Нянем. Поначалу он лишь мысленно восхищался его безупречным лицом, но по мере беседы начал улавливать за этой изящной ширмой нечто большее — стальной стержень, острую грань характера, которую юноша намеренно прятал от посторонних глаз. Это не было слабостью; скорее, осознанным нежеланием выделяться.

Считая себя тонким психологом, Чжан-цзун пришёл к выводу, что за этой связью кроется куда более сложная история. Алкоголь и успешно закрытая сделка придали ему смелости. Поднявшись с бокалом в руке, он разразился витиеватым тостом в честь гостей, а под конец, заговорщицки подмигнув, добавил:

— Надеюсь, господа, когда-нибудь нам выпадет честь выпить за ваш союз.

За столом мгновенно воцарилась гробовая тишина. Сосед Чжан-цзуна испуганно дёрнул того за край пиджака, безмолвно умоляя заткнуться, пока не поздно. Однако, вопреки ожиданиям, на лице Фу Сяо не проступило и тени гнева — он лишь лениво повёл бровью, словно забавляясь ситуацией.

Но стоило присутствующим с облегчением выдохнуть, как раздался негромкий, чистый смешок Ду Няня:

— Вы шутите, господин Чжан.

Все замерли. Повисшее в воздухе напряжение сделалось почти осязаемым. Лицо Фу Сяо мгновенно окаменело, он медленно, с тяжёлой угрозой повернулся к своему спутнику.

Поймав этот ледяной взор, Ду Нянь слегка прикусил губу. Он понял, что снова наступил на большую мозоль, но забирать свои слова назад не собирался. Пытаясь сгладить неловкость перед посторонними, он осторожно нащупал ладонь мужчины под столом и тихо позвал:

— А-Сяо...

Фу Сяо резко выдернул руку и демонстративно отвернулся.

Ду Нянь не стал настаивать. Он вежливо извинился перед застывшими хозяевами банкета и, поднявшись из-за стола, направился в уборную.

Когда он вернулся в зал, места Фу Сяо за столом уже не было. Чжан-цзун с виноватой миной на лице пробормотал:

— Господин Фу ушёл пару минут назад. Должно быть, он ещё на парковке.

Ду Нянь лишь кивнул, ещё раз извинился за испорченный вечер и покинул заведение. На улице окончательно стемнело, и редкие снежинки лениво опускались на холодный асфальт.

Выйдя на свежий воздух, он не стал торопиться или догонять машину. Напротив, он поплотнее запахнул пальто и не спеша побрёл пешком в сторону отеля.

К подобным выходкам ему было не привыкать.

Для Фу Сяо это было в порядке вещей: стоило тому разозлиться, и он мог бросить его где угодно — посреди трассы, у ресторана или в незнакомом районе. Чужие неудобства его никогда не волновали.

Прошлой зимой во время поездки за границу Ду Нянь тоже имел неосторожность сболтнуть лишнего. В наказание мужчина просто выставил его из машины в одном из самых неблагополучных кварталов пригорода. Без телефона, без гроша в кармане... На обратном пути его выследили местные отморозки и загнали в глухой тупик.

Ду Нянь до сих пор отчётливо помнил леденящий холод дула, прижатого к его виску.

Фу Сяо так и не узнал, что его верный любовник в тот день едва не расстался с жизнью. Когда окровавленный, избитый Ду Нянь кое-как добрался до отеля, покровитель уже улетел в Китай. Ду Няню пришлось застрять там на неделю, чтобы залечить раны, а по возвращении выслушать холодный допрос: почему он так долго прохлаждался за границей? И он послушно, тихим голосом просил прощения. Извинялся так, словно действительно был кругом виноват.

Зачем эти призраки прошлого тревожили его память именно сейчас? Наверное, дело в том, что завтра всему должен был прийти конец. Перед финальным аккордом мысли невольно возвращались к пережитому.

Расслабляться было нельзя. Каким бы безмятежным ни казалось затишье, Ду Нянь твёрдо решил не выпускать мужчину из виду ни на секунду, пока маховик судьбы не сделает последний оборот.

Вот только судя по тому, в каком бешенстве уехал Фу Сяо, заставить его провести завтрашний день вместе будет непросто.

На губах Ду Няня промелькнула горькая усмешка.

Впрочем, какая разница? Впереди оставались последние сорок восемь часов. Вряд ли они окажутся тяжелее, чем три года добровольного ада.

В номере его встретил приглушённый шум льющейся воды из ванной. Ду Нянь замер у порога.

«Что ж, — с иронией подумал он, — лучшего шанса помириться и не придумаешь».

Он подошёл к дивану, сбросил пальто и принялся неторопливо расстёгивать пуговицы на рубашке. Вещи падали на пол одна за другой, пока на нём не остался лишь тонкий трикотажный лонгслив. На миг его пальцы замерли на ширинке брюк, но, отбросив сомнения, он избавился и от них.

Дверь в ванную оказалась не заперта. Помедлив секунду, Ду Нянь решительно толкнул её от себя.

Фу Сяо стоял под тугими струями душа. Горячая вода стекала по его широким плечам, рельефной спине и узким бёдрам, заставляя мышцы перекатываться под кожей при каждом движении.

Услышав шорох, он резко обернулся. Взгляд его, поначалу дикий и опасный, на мгновение замер на незваном госте, а затем наполнился тёмным, голодным вожделением зверя, завидевшего желанную добычу.

Не произнося ни слова, Ду Нянь шагнул напрямик под ледяной поток. Промокшая ткань мгновенно облепила тело, заставив его мелко задрожать от холода. Он обвил руками шею мужчины, прижимаясь к нему всем телом и жадно впитывая обжигающий жар его кожи.

В ту же секунду его с силой прижали к холодному кафелю. Пальцы Фу Сяо стальным капканом сомкнулись на его подбородке, вынуждая запрокинуть голову, и грубый, властный поцелуй оборвал всякую возможность дышать.

Ду Нянь прикрыл веки. На его губах, скрытая чужими поцелуями, промелькнула едва заметная, горькая улыбка. Он лишь крепче сжал объятия.

Время потеряло счёт.

На его щеках всё ещё горел лихорадочный румянец, искусанные губы припухли, а в теле разлилась изнуряющая слабость. Кое-как преодолевая дрожь в коленях, Ду Нянь нагнулся, собрал мокрую одежду, швырнул её в корзину для белья и повернулся к Фу Сяо, который как раз заканчивал вытираться.

Немного помолчав, чтобы вернуть сорванному голосу ровность, он тихо спросил:

— А-Сяо, завтра зимнее солнцестояние. Я забронировал столик в одном месте... Там рядом есть неплохой горнолыжный склон. — Он замялся на мгновение, но всё же договорил: — Поедем вместе?

Движения полотенца замерли. Фу Сяо прекрасно помнил, как важен для юноши этот праздник. Предыдущие два года они неизменно проводили этот день вдвоём, и нынешний не должен был стать исключением.

Однако в памяти всплыли слова, брошенные сегодня Сяо Жунянем. Обычное согласие застряло в горле.

Выдержав тяжёлую паузу, Фу Сяо сухо бросил, возвращаясь к своему занятию:

— Не выйдет. Завтра я занят.

Правду ли говорил Жунянь или лгал, завтрашний день должен был расставить все точки над «i». Если подозрения окажутся ложными и Ду Нянь действительно ни при чём... что ж, у них впереди будет ещё уйма времени. Они встретят вместе десятки других праздников.

Один потерянный день ничего не изменит.

<http://bllate.org/book/20134/1993705>